

УДК 78.071.1(476)(092)

П. П. Подковыров

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

(Окончание. Начало в № 16)

Начался пятый год обучения. На первом же уроке Золотарев вошел в класс и сказал:

— Дорогие студенты! Здравствуйте и прощайте! В Минске открывается консерватория. Меня приглашают туда вести класс композиции. У меня с дирекцией этой консерватории имеется договоренность привезти с собой часть своих свердловских питомцев. Если кто из вас пожелает поехать со мною в Минск — прошу!

В классе зашумели, заволновались.

— Василий Андреевич! Можно подумать?

— Конечно. Я еду через неделю. Семья позже. Можете приехать с моей семьей...

— Василий Андреевич! А почему так вдруг? Может, в вашем отъезде есть что-нибудь «катастрофичное»?

— Ишь чего захотели. Тайны особой нет. Оставшиеся здесь будут продолжать образование у Мариана Петровича Фролова.

Изявили желание ехать в Минск Крошнер, Попов, Носов и Подковыров. Гибалин, Машихин и Ижакевич остались в Свердловске. Прямо с урока Подковыров, Носов и Попов отправились домой к профессору упаковывать рояль и двигать тяжести. Через дня четыре погрузили вещи в машину, отвезли на вокзал, затащили в товарный вагон. Дней через пять поезд стучал колесами: тра-та-та, тра-та-та! Студенты ехали в товарном вагоне при вещах. Женщины ехали в пассажирском вагоне <...>.

Александра Александровна приподняла завесу над тайной переезда. Дирекцией техникума Золотареву было предложено сделать доклад о развитии советской музыки с точки зрения апологетов РАПМа. Золотарев представил тезисы доклада, в котором откровенно указал на ошибки политики рапповцев. Указал, что Чайковский, Римский-Корсаков, Балакирев, Рахманинов — это гордость русской му-

Выпуск Белорусской государственной консерватории 1937 года.

Первый ряд (слева направо): П. П. Подковыров, А. В. Богатырев, В. А. Золотарев, А. Н. Попов, В. А. Ефимов. Второй ряд: М. Я. Крошнер, С. В. Зорин.

(Фото из БГАМЛИ : Ф. 134, оп. 1, д. 399, л. 3)

зыка и что их следует не «развенчивать», а на них надо равняться и на их творчестве учить молодежь! Что они, наряду с Мусоргским, Глинкой, — могучее орудие в руках советских людей. Дирекцией было заявлено, что с такими взглядами профессор не имеет право воспитывать молодежь. М-да!

Через непродолжительное время РАПМ, РАПП и другие аналогичные организации были распущены. Партия выправила «зигзаг» в искусстве. Прогрессивно мыслящие музыканты не порвали с классикой и оказались правы. Свердловск потерял Золотарева.

В Москве межпоездное время было большим. Женщины перебрались в товарный вагон, а мальчишки направились в Московскую консерваторию. Трое вошли в храм искусств и с благоговением уставились на Доску почета, где золотыми буквами были запечатлены бессмертные имена. Гоша сказал:

— Интересно, если бы РАПМ восторжествовал, фамилии Рахманинова, Скрябина соскоблили бы?

Посмеялись. Петр ответил:

— Ну, это похоже на рассуждение мужиков в голевских «Мертвых душах» — доедет колесо или не доедет?

Придя на вокзал, Носов сокрушенно заявил Александре Александровне — он поедет в Ленинград. Там у него есть родные... Одно колесо не доехало. <...> Приехали в Минск. Петр толкнул Толю. Оба вскочили. Плеснули в сногяделки из ведра холодной воды. Открыли дверь. Спустили лестницу. Втащили в вагон «мяуисточник». Это, конечно, Лидия Васильевна. Девушка сообщила, что Золотарев сейчас явится. Сейчас явится и Крошнер. Он уже раздобыл грузовик и двух рабочих. Мускулы двух сурков, конечно, понадобятся.

Началась разгрузка вагона, погрузка в грузовик рояля и его «сотоварищей», езда наверху узлов по городу и опять состязание с тяжестью в очередном домовселении.

Петра не оставляют мысли: консерватория только что открыта. В этом открытии видно будет энное количество неполадок, о которых в извинительных тонах будет говорить на первом собрании директор. Будет говорить, возможно, такими же словами, что и свердловский директор музтехникума четыре года назад. Это нетрудно предугадать — метод дедукции!

— Мяу! Петр Петрович! Спуститесь, пожалуйста, на землю!

— Как пройти к директору?

— Тудой па калідору. Трэцця дзвер налева. Стукачыце — можа, яго няма...

Постучали. За дверью послышалось:

— Уваходыце... Сядайце, калі ласка!

— Мы — свердловчане, Золотарева ученики.

— Зразумела, зразумела... Цягніце экзаменацыйныя білеты. Прачытайце ўслых, ну, скажам, — вы.

Подковыров прочел: «Вялікая Кастрычніцкая рэвалюцыя. Першыя дэкрэты савецкай улады. Ленін — правадыр міжнароднага пралетарыята». На незнакомых словах — чуть запнулся. Директор сказал:

— Преподавание в Белорусской государственной консерватории будет вестись на русском и белорусском языках. Так что привыкайте. Магчыма ў недалёкай будычыні — цалкам на беларускай мове. Ну, отвечайте...

Подковыров начал отвечать по билету. Директор углубился в писание каких-то бумаг. Ответив по первому подвопросу, Петр чуть приостановился. Директор полувопросительно-полуутвердительно сказал:

— Усё?! Папоў, чытайце свой вопрос, — и вновь углубился в бумаги. Попов принялся отвечать по своему билету и также на первой полуостановке слышалось директорское: — Усё?! Крошнер — ваш вопрос?

В кабинет вошел маленького роста человек. У него — пышная шевелюра, усы вразлет. На носу — чеховское пенсне.

— Юлиан Николаевич! Вось экзаменацыйныя білеты, ведамасці... Примите у свердловчан экзамены по вашему предмету. Мне нужно уже бежать.

Директор ушел. На его место сел маленький человек.

— Ну-с, пачнем. Цягніце білеты...

Толя прочитал вопрос в первом билете: «Музыка ў эпоху класіцызму — Гайдн, Моцарт, Бетховен».

— По этому вопросу можно ответить так... — И Юлиан Николаевич в течение десяти минут увлекательно, образно рассказывал об этой эпохе и ее великих корифеях.

— Ну-с, продолжим! Крошнер — ваш билет... «Русская музыка пачатку дзевятнацатага стагоддзя. Глінка, Даргамыжскі». По этому вопросу можно ответить так... — И Юлиан Николаевич следующие десять минут вдохновенно, влюблено, молитвенно говорил об этих великанах русской музыки.

— Ну-с, завершим! Что у Вас? «Пачатак развіцця музычнай культуры ў гады савецкай улады». По этому вопросу можно ответить так... — и следующая десятиминутка заполнилась красочным, умным анализом музыки наших дней. Юлиан Николаевич осторожно критиковал РАПМ, подчеркнул необходимость бережного отношения к классическому наследию. Бегло, но подробно были перечислены имена композиторов и музыкантов Москвы, Ленинграда, Киева. Были упомянуты уральские Фролов, Слоцов, Александрович, Пирадов...

— Итак, юные бывшие свердловчане и нынешние минчане, старайтесь отвечать так э-э... исчерпывающе в недалеком будущем. А теперь можно считать, что вы вступительные экзамены в БГК выдержали. Можете быть свободны. Да... Возьмите в канцелярии расписание занятий. Начало — завтра в девять. До свидания, Аяксы!¹

В коридоре свежее испеченные консерваторцы ше-

¹ Аяксы — персонажи греческой мифологии, неразлучные друзья. Ю. Н. Дрейзин, будучи филологом-классиком по образованию, часто употреблял в своих высказываниях латинские и греческие выражения.

потом посмеялись.

— Оригинальный экзамен — с форой!

— И с заранее заданной концовкой!

Петр встал в позу:

— Имея фору, идем мы в гору. А за горой? Там снова горы туманят взоры и в даль зовут... На композиторский маршрут... Толя, за мной! Миша, подожди нас!

Толя и Петр взлетели на третий этаж.

— Так я и знал: зал не двухцветный... — это огорченно выдохнул Петр.

— Он двухцветный: пол — красный, стены — белые, — успокоил Толя.

— Мизерный зальчик! В Свердловске лучше. Видно, настоящих концертов долго не услышим. А может, есть другие концертные залы? Ох! А что такое «Аяксы»? Надо заглянуть в энциклопедию.

Общежитие Минской консерватории также оказалось хуже свердловского. Там сухие, светлые комнаты на пять человек. Здесь — сырые, темные «кубатуры» на... на плотное количество иногородних, спящих даже по двое на койке. Ох!

Единственный «плюс» — общежитие в пяти кварталах от консерватории, десять минут ходу. Рядом с общежитием стоит высокое с узкими окнами здание, не то недостроенное, не то перестраивается. Внутри то ли склад, то ли мастерская. По-видимому, филиал белорусских художников. Надо будет контактироваться. У ворот общежития в кустах спряталась беседка, годится для подготовки заданий по гармонии. Учтем!

Утром три друга пошли в консерваторию. По диагональной аллее дошли до маленького фонтанчика. Подивились вычурному оформлению фонтанчика: четыре каменные лягушки, лебедь, купидон, витиеватая дата, выбитая в камнях пьедестала.

— М-да! «1847 г.» Возраст почтенный. Такой же фонтанчик есть на базаре в Киеве. Около него была моя стоянка. Был я ВРИДЛО...

— А что это такое?

— ВРИДЛО — это временно исполняющий должность лошади, возил на тележке базарные грузы, — пояснил Миша.

— Богатая у тебя биография, — позавидовал Толя.

— В моей жизни тоже была тележка, — скрипела ужасно! Возили на ней с дружкой детства волшебные клады...

В класс композиции были приняты свердловчане — М. Крошнер, П. Подковыров, А. Попов, минчане — А. Богатырев, В. Ефимов, А. Зорин, Г. Самохин.

Золотарев проводил занятия два раза в неделю. Гармония в консерваторском курсе включала мелодическую и гармоническую фигурацию. Писались и игрались задачи по учебнику Аренского. Задания были громадными — полтора десятка мелодий к уроку. По-прежнему на вооружении Золотарева был грозный карандаш с красным и синим концами. Василий Андреевич проверял задачи на фортепиано. Ошибки подчеркивались громкой долбежкой по

клавиатуре и жирными красными линиями на бумаге. Исправления вносились синим концом. Если ошибки были неисправимы — задача перечеркивалась крест накрест. Особое внимание уделялось красоте голосоведения. Каждый голос должен быть мелодически четким и логичным. Другой урок отводился проверке работ по сочинению и знакомству с музыкальной литературой.

На первом курсе полагалось представлять произведения мелких форм. Подковыров написал вокальный цикл «О детях». В нем: «Я танкистом стать хочу», «Мамин зонтик», «Хвостик» и «А что у вас?» — миниатюры на стихи Александровой, Квитки, Михалкова.

Какие могут быть разновидности детской музыки? А ну, метод дедукции! Во-первых: музыка, понятная детям, в исполнении самих детей. Во-вторых: музыка, понятная детям, в исполнении взрослых; в-третьих, музыка о детях в исполнении взрослых; в-четвертых: музыка, понятная взрослым, в исполнении детей. Могут быть другие разновидности? Могут. Но общее для всех разновидностей — музыка должна быть хорошая.

Были написаны также гармонизации и обработки белорусских народных песен — около десяти. Особо запомнились обработки, великолепно сделанные самим Золотаревым. Они были объединены в цикл и явились ценным вкладом в белорусское искусство.

Как может быть использован фольклор в творчестве композитора? А ну, поразмыслим!

Во-первых, простое цитирование; далее — варьирование: сперва при неизменной мелодии варьируется сопровождение (Глинкинские вариации), потом варьирование и мелодии; в-третьих, вычленение из темы отдельных, наиболее «броских» элементов; в-четвертых, сплавы из отдельных «попевок» многих тем; в-пятых, придание звучанию «аромата» народности в рамках одной национальности (например, в русском стиле); в-шестых, «аромат народности» в рамках группы национальностей (славянский стиль, восточный и т. д.); в-седьмых, глобальный? Ох!

Конечно, все эти градации правомочны при условии хорошего качества музыки. В противном случае «аромат народности» исчезнет, завоняет «измами».

Уроки по сольфеджио были также мобильными. Подковыров, как и в Свердловске, здесь неизменно лидировал, диктанты он всегда заканчивал первым. Вел сольфеджио преподаватель Матисон, темпераментный и талантливый музыкант.

На уроках по истории музыки, где первый курс консерватории присутствовал целиком, Петр с тайным волнением отметил, что девицы-красавицы одна другой прелестей. Но... богиня Муза гневно погрозила невидимым колпачком, и бедный Ромео притих.

На одном из первых общеузовских собраний директор консерватории, как и предвидел «мастер метода дедукции», говорил об энном количестве трудностей у нового вуза, говорил почти в тех же выражениях, что и в ситуации четыре года тому назад. Но не было извинительных интонаций.

Трудности есть, но мы их — «раз» — и преодолеем! Ну-ну!

Минское музучилище и БГК находились в одном помещении. Тесно! Классов всего пятнадцать, инструментов и того меньше. Тоска! С утра и до вечера изнурительное выжидание свободной клавиатуры. Ужас! В мыслях — крылья, а на ногах — гири. Ч-черт!

И год начался, и он катился, и пришла интермедия. Передышка!

По идее Золотарева, по инициативе дирекции была организована фольклорная экспедиция студентов. В нее вошли «слухач» Петр Подковыров и крепкий организатор Михаил Крошнер. Был выбран самый глубокий район Белоруссии — Полесье. Сперва ехали поездом до Мозыря, далее — на Калинковичи, потом на лошадях в глухие деревеньки у реки Припять. Местами путь пролегал через болота. Дорога устлана поперек бревнами, досками, жердями, ветками ивняка, чаротом — любым подсобным материалом. Трясет на телеге отчаянно. Держать рот нужно открытым, дабы не прикусить язык. А язык — орган, человеку нужный, особенно в экспедициях.

Приехав на место, экспедиторы являлись к местным властям, предъявляли свои «верительные грамоты». Первый же председатель сельсовета очень удивился:

— Каких только мандатов я на своем веку не перевидал, а такую паперку читаю впервые! Цирк, да и только!

— Нет, почему? — степенно разяснял Михаил. — Народные песни — это ценность государства. Их нужно собрать, записать, изучить, а потом мы, композиторы, их аранжируем...

— Ну, раз так, тогда конечно... — согласился председатель, — действуйте! Может, водка понадобится, сельмаг напротив...

— Обойдемся без алкоголя. Мы — представители культуры...

— Я про водку потому: певуний-то, может, придется разогревать. Хе-хе!

В самом деле: как «разогреть» певуний? Собрали их в одной хате. Петр спел для начала несколько русских песен, серенаду Шуберта. Вдвоем спели «Нелюдимо наше море». Дуэт пели по нотам. Это произвело на женщин сильное впечатление. Они пораскрывали рты, запели. Михаил записывал слова, Петр — мелодию. Потом Петр пропел по нотам записанную песню. Женщины дивились процессу нотной записи. Спели другую песню, третью... дело пошло. В этой деревне записали много песен. Поехали в другую, третью... Так ездили по Полесью добрый месяц. Записали около двухсот белорусских народных песен. Привезли в Минск, сдали в библиотеку консерватории. Эта была первая студенческая фольклорная экспедиция. Потом это стало традицией по сей день.

Экспедиторов премировали поездкой в Ленинград. Ленинград! Петроград! Петербург! Санкт-Петербург!

Раскрыв рты, друзья ходили в Зимний, по Эрмитажу, были в Зоологическом, Военно-Морском,

Палеонтологическом, Историческом и разных-разных других «ических» музеях. Были в Исаакиевском соборе, подивились на маятник Фуко, как он качается «отседа и доседа», да еще впридачу по кругу. Были в Петергофе, в домике Петра Великого, у деда Ботика, у лестницы фонтанов, в Петергофских дворцах. Побывали на концертах в филармонии. Слушали оперу «Севильский цирюльник». Михаил пригласил в театр свою красавицу сестру, ленинградскую жительницу. В театре встретили минскую певицу, восхитительную Жезмер. Петр сидел меж двух королей, но богиня Муза сердиться не собиралась — красавицы были замужние. В фойе Жезмер — солистка Минского оперного театра — громко спела эпизод из арии Розины с высокими нотами. Публика разразилась аплодисментами. Проказница очаровательно раскланялась и скрылась в ближайшей кулисе.

Много бродили по городу-музею. Гадали, в каком месте на Фонтанке чижик-пыжик водку пил, в каком месте Лиза «сигала» от Германа в канал. В обратном поезде Миша спросил:

— Так сколько ступенек до верха Исаакиевской колокольни? Я их сосчитал, просил тебя запомнить...

— Забыл, Миша, забыл. А ты помнишь?

— Нет, я тоже забыл.

Обратно ехали через Москву. Михаил неожиданно «сиганул» в Свердловск.

— До начала занятий в консерватории остается полмесяца. Устрою свои личные дела. У меня там жена, мать... Может, привезу их в Минск.

Через полмесяца с Урала вернулся Миша и привез свою мать. Старушка бойко отрекомендовалась:

— Для вас, мальчики, я — мамаша Крошнер. Для других — мадам Крошнер.

Наедине Миша грустно поведал:

— Жена меня бросила, нашла другого. Я ей оставил квартиру, она мне оставила горечь развода. Мама, конечно, со мной.

Устроили старушку за ширмой в одном углу общежитской комнатухи, сами по двое разместились в других углах. Шесть человек в малушке-клетушке. Дирекция не стала возражать — ребята были «заслуженные».

И закачался маятник по жизненной теснине. Карабкаются мальчики на пьедестал богини. Занятия в консерватории пошли своим чередом. В классе Золотарева осваивали новую дисциплину — полифонию. В конце года писали восьмиголосные мотеты. По сочинению Подковыров представил две пьесы для трубы и фортепиано, написанные в форме рондо. В основе пьес лежали народные песни, привезенные с Полесья. Были написаны симфонические вариации на тему народной песни «Про курицу». Картина стремительно разворачивалась и перед концом неожиданно перерастала в трагический фрагмент. Это было сильно и оставляло впечатление.

— Откуда у курицы такие э-э... эмоции? — удивлялся Золотарев.

— Курица могла попасть в суп... — отшучивался автор.

— Ну, разве только так... Поскольку от курицы ничего не осталось — давайте сделаем вот что... — И Василий Андреевич перечеркнул куриное название и написал новое: «Причуды». Это было очень метко и всем понравилось. Пьесы для трубы исполнялись в консерваторских концертах, а «Причуды» — в филармонии. Дирижировал В. Золотарев.

Как-то шутки ради Подковыров принес в класс миниатюрку под названием: «Мини-рондо».

— Любопытно! — улыбался Василий Андреевич. Три рефрена, два эпизода, кода. Русско-белорусско-украинская мелодическая окрошка. Так можно в один месяц и консерваторию окончить.

Вволю посмеялись. Что ж, и юмор нужен.

В этом году была введена новая дисциплина — хор. Вел ее преподаватель И. Бари. В хоре участвовали все студенты консерватории. Разучивалось сперва на репетициях в классе, потом исполнялось на концертах много хорошей музыки: «Масленица» Римского-Корсакова, «Кондор» Калининкова, «На девятой версте от столицы» Давиденко и др. Подрастающим композиторам это приносило и удовольствие, и явную пользу. Жаль, что обязательность участия молодых композиторов в хоре не стала традицией.

В консерватории из преподавателей-«смычкистов» организовался струнный квартет. В нем играли А. Бессмертный, С. Жив, И. Гуральник и М. Орлов. Конечно, Подковыров по своей «традиции» устроился «переворачивателем нот». Квартетисты готовили в полнометражном виде и исполняли потом в консерваторских концертах квартеты № 1 и № 2 П. Чайковского, Квартет № 2 А. Бородина, Квартет № 4 Ф. Шуберта и Квартет В. Золотарева. Для Подковырова такое многократное детальное знакомство с интереснейшим и ставшим любимым жанром музыки принесло громадную пользу. В официальных курсах консерваторий такое знакомство не предусматривается. И личная инициатива студентов здесь совершенно необходима. И Свердловск, и Минск «переворачивателю нот» дали много.

Как и в прошлом году, так и в этом Подковыров по своей «традиции» и по личным просьбам сотоварищей по учебе был негласным советчиком, своеобразным репетитором пианистов, струнников, духовиков, народников. Всегда что-нибудь находилось, что можно было посоветовать для усиления художественности исполнения. И для «советчика» это являлось средством расширения своего личного кругозора. Происходил своеобразный обоюдный обмен знаниями, обмен, официальными статусами не предусматриваемый. Заметно меньше толку от такого общения было с вокалистами. Уж очень они узко специфичны. «Звучок! Как его подать?» Вот для многих это главное. «А образ, а дикция, а текст?» — «Нет, это потом. Подолби мне, пожалуйста, мелодию». Ну что ж, извольте!

Как и в прошлом году, общественная работа не отнимала много времени. Общие собрания, как профсоюзные, так и комсомольские, — не были «катастрофично» долгими и частыми. Писание заметок,

стишков в стенгазету доставляло скорее развлечение, разнообразие. Подковыров не любил публичного речеплетства, не умел говорить «о чем угодно и сколько угодно», лавры Цицерона его не волновали. И когда об этой своей особенности приходилось задумываться, немного волновался: «Неужели это предопределено? И стоит ли это исправлять?»

И год катился, и год кончился, и наступило время очередной интермедии. И поехал Петр в Майкоп удобным однопересадочным маршрутом. <...>

И лето катилось, и время отканикулярилось, настал и день отъезда. Как-то само собой включилась внутренняя импровизация. Настойчиво звучала квартетная музыка. Следовательно, настало время рождения первого квартета.

Квартет писался быстро и с упоением. Вдохновение — это, пожалуй, и есть сама богиня Муза. Стоит она доброжелательно за спиной и напевает: «Ну-ну! Покажи, на что ты способен?» Квартет получился полнометражный, четырехчастный, с добротным тематическим материалом, структурно и фактурно убедительным. Первая часть была в сонатной форме, финал — рондо-соната, средние части — трехчастки. Золотарев был доволен. Он любил этот жанр, часто писал квартеты и в свои молодые годы был квартетистом. Василий Андреевич смачно расхваливал произведение и хитро посматривал на других «птенцов» с тайным желанием приобщить их к этому жанру. Но желающих не оказалось.

Произведение добросовестно разучила «бригада» А. Л. Бессмертного и несколько раз исполняла его в своих концертах. К этому времени в Минске была организована секция белорусских композиторов. В. А. Золотарев и его ученики составили добрую половину этого Союза. Немалую роль здесь сыграла фольклорная экспедиция, материалами которой пользовались и другие композиторы. Важным было и то обстоятельство, что в портфелях юнцов были такие произведения. Особенно ценились массовые песни. Первым председателем Союза композиторов БССР был И. Любан. Он председательствовал энергично, результативно. Одно получение помещения для С. К. стоило и ему, и всему коллективу многих усилий. Союз писателей дружелюбно из своих ресурсов уделил композиторам две чердачные комнаты. В них долгое время сиротливо стояли два стола и набор стульев — атрибуты для будущих собраний-заседаний. Потом, наконец-то, появился роаяль.

В этом же году Подковыровым была написана сонатина-юмореска. Она была уже сверх задания. И... неожиданно Золотарев ее раскритиковал. Получилась как бы компенсация за прежние излишние щедрые похваления.

— Ну что это такое? Сонатина и так «малюля», а вы ни с того ни с сего меняете в ней размер. Вольность какая!

— А мне так нравится...

— Ну, если так — вам нечего у меня учиться.

И Василий Андреевич обидчиво замолчал. Подковыров потоптался и обидчиво вышел из класса.

Но конфликт был недолгим. Золотарев был на редкость для своих питомцев дружелюбным. И на следующем же уроке Подковыров был встречен мягкой улыбкой.

И еще сверх задания Подковыров написал одночастную сонату для фортепиано. Она писалась легко. Видно, за спиной опять стояла богиня Муза и напевала: «Ну-ну! Покажи, на что ты способен!» Неожиданно автора потянуло разучить сонату и самому ее где-нибудь исполнить. Что он незамедлительно и выполнил. Играл ее своему преподавателю по фортепиано. Но Золотареву не рискнул показать — в сонате имели место и перемена ритма, и совершенно новый материал в... коде. Дважды испытывать судьбу не хотелось. Сонату исполнял в концерте Изя Нисневич — техничный пианист, даровитый музыковед. Брат и сестра Нисневичи были одаренными молодыми людьми — ко времени поступления в консерваторию они окончили физико-математический институт. И в консерватории учились на музыковедческом отделении.

По заданию Золотарева Подковыров временно занимался по полифонии с вольнослушателями И. Германом и И. И. Жиновичем. Эпизодически посещали уроки композиции С. Г. Нисневич и пианисты Гитлиц и Л. Сульская. Золотарев, как красное солнышко, обогревал всех желающих.

Однажды директор К. М. Богушевич вызвал Подковырова к себе в кабинет.

— Садитесь, пожалуйста. Мне нужно с вами серьезно поговорить. Вы достаточно эрудированный молодой человек, комсомолец, и то, что я вам предложу, вам будет по силам. Кроме директорства на мне лежит еще одна тяжелая нагрузка: я — начальник Государственного Комитета по наблюдению за репертуаром зрелищных предприятий республики, коротко — Реперткома. Мне нужен помощник, инспектор Реперткома БССР. И если согласитесь — приступим к работе. Вот устав — познакомьтесь. Большую часть работы — театры Минска и периферии — я возьму на себя. Вам — эстрадный сектор: разговорники, чтецы, конференсье. Беспощадная борьба с халтурой, с явными и замаскированными враждебными вылазками. Не бойтесь, на кулаках вам драться не придется. Вам надо только ознакомиться с текстом, оценить его и вот этой печатью и штампом запретить или разрешить. Административное заверение осуществляют органы на местах. Ну как?

И стал Петр Подковыров первым инспектором Реперткома БССР. И было тяжело и тревожно. Ведь нужно было не просто «разрешить» или «запретить», а нужно было доказать, помочь, подчас исправить, подчас направить к пьедесталу классики. И были прямые и косые взгляды «разговорников».

В этом году каникуляричь не пришлось. Реперткомовские дела требовали от инспектора несусыпной бдительности и вселетней деятельности.

Майкоп остался в сновиденьях

Благоуханным, ароматным.

А в Минске служба и волнение,

Дни реперткомаят безвозвратно.

В конце лета случилась командировка в Москву. Поехали: Любан — по делам Союза композиторов, Подковыров — по реперткомовским делам и Крошнер — по лирическим; все вместе — по творческим вопросам. Михаил посоветовал Петру «на всякий случай» захватить ноты квартета. В гостинице Михаил долго и многократно, кому-то и куда-то звонил по телефону, договаривался, судя по вздохам, о лирическом свидании.

— Петр, бери ноты. Пойдем.

Дорогой он поведаль:

— В молодые годы я был влюблен в И. К., чудесную девушку. Она мне говорит: «Миша, вы очень меня любите?» — «Очень-очень...» — «Тогда, пожалуйста, отнесите записку по этому адресу». Дорогой я записку прочитал: в ней И. К. назначает свидание Д. Ц. Теперь И. К. и Д. Ц. — супруги, а мы... Для тебя это деловое свидание: Д. Ц. — первая скрипка в знаменитом квартете, а для меня это — боль, горечь, тоска и добровольное мучение.

Пришли. Квартетисты нас уже ожидали. Подковыров положил партии на пюпитры. Музыканты сыграли весь квартет великолепно. Это не было чтение с листа, это было готовое художественное исполнение. Петр был счастлив несказанно. Договорились, что молодой автор перепишет квартет и партии и придет «с оказией». Почтальоном вызвался быть (опять) Михаил. Он смотрел на И. К. и улыбался, а глаза были грустные.

Потом в Минске Михаил избегал разговора об «оказии». Петр проделикатничал, московского адреса не разузнал, переписанный квартет посылать «на деревню дедушке» сам не решился, и дело заглохло. Потом Подковыров очень сожалел, что не использовал эту сказочную возможность, не поймал «синюю птицу» за хвост... Такая мальчишеская непоследовательность. Сам виноват!

Потом был еще аналогичный случай. По зефирной протекции другой чудесной девушки Подковыров набрался смелости и попросил аудиенции у знаменитого пианиста Г. Нейгауза. Сел за рояль и сыграл свою сонату. Маэстро спросил:

— А эти аккорды в коде к чему? Странные, чужеродные...

— Когда соната была уже почти написана, я эти аккорды услышал во сне. Пристроил сюда...

— Оригинально! Соната любопытная. Но, к сожалению, я теперь не концертирую (Слукавил?)

— Может, ваши ученики сыграют? — промямлил автор.

Неосмотрительно автор оставил у маэстро единственный экземпляр сонаты. Годы шли. Потом надвинулась катастрофа, как аккорды в сонате...

Четвертый учебный год начался с того, что начальник Реперткома прибавил своему инспектору контроль за репертуаром кинотеатров.

— Этот контроль чисто номинальный. Ведь сценарии создаются и утверждаются в центре. Выпуск фильмов контролируется тоже в Москве. На долю, скажем, Минска выпадает только контроль за каче-

ством ленты: может, она старая, рваная... Едва ли здесь пролезет антисоветчина! Ну, а вам как молодому, формирующемуся человеку — прямая польза: расширяете кругозор.

Пришлось Подковырову согласиться. Только не знал начальник, что в этой альтернативе есть куда более весомые доводы: в кабинете Богушевича появился рояль. И заявление об освобождении не было вынута из кармана. А кругозор, конечно, расширился. Просмотренная сотня фильмов научила разбираться в плюсах и минусах сценариев, в степенях даровитости режиссеров, в талантливости актеров. Просмотренная сотня уравнилительно отняла сотню творческих часов. Все же кабинетный рояль избавил от изнурительных «дежурств» — поисков свободного класса.

Подковыров написал симфонию. Писалась она быстро и в упоении. За спиной стояла богиня Муза и напевала: «Ну-ну! Покажи, на что ты способен!»

Золотарев просмотрел первую часть, перевернул страницу. «И вторая часть?!» Просмотрел. Перевернул. «И третья часть?!» Просмотрел. Перевернул. «И финал?!» Так, восхищенно восклицая, Василий Андреевич проиграл всю симфонию. Симфония ему понравилась. Он хитро посматривал на других «юнцов»: «А ну, и вы так!» По программе же требовалась только одна часть. В конце симфонии был марш. Играл его Золотарев и восклицал:

— Чудненько! Так и хочется, задрав штаны, бежать за комсомолом! Давайте я вам ее оркеструю. Сами вы не сможете. Начудите еще, как в «Причудах»!

— Нет, Василий Андреевич. Разрешите мне самому. Будут ошибки, но ведь на ошибках учатся.

— Ладно! Оркеструйте сами. Только слушайтесь моих советов.

Инструментовал симфонию Подковыров также быстро. Были и ошибки. И очень хотелось проверить свою ошибочность на живом звучании, а не на словесных предостережениях педагога. Были ошибки и в форме. Тайно автор чувствовал длинноты. Но скорополительно «урезать» не хотелось. Купюры — это часто только мнимое, «варварское» средство улучшения. Симфонию автор посвятил комсомолу, которому обязан своим становлением личности. Симфония многократно исполнялась. Дирижерами были: В. Золотарев, И. Гитгарц, М. Шнейдерман и сам автор.

Как-то внезапно нагрянула юбилейная дата Н. А. Римского-Корсакова. Василий Андреевич вполношил, поднял на ноги дирекцию, филармонию, Союз композиторов. Было решено отметить дату концертом. Труднейшей задачей оказалось достать оркестровые голоса программы. Было решено самим наоркестровать «Три чуда». Поручили это «дерзкое» дело Золотареву, Аладову и Подковырову. Конечно, Василий Андреевич был «бригадиром» — он видел и помнил «Три чуда» и под его руководством в считанные ночи оркестровка была создана. И конечно, Золотарев был наиболее близок к оригиналу, далее был Николай Ильич и «где-то там» — Подковыров.

Но все же концерт состоялся и юбилей прошел хорошо.

Подковыров очень уставал от реперткомовской работы, и заявление об увольнении всегда лежало в кармане «на всякий случай».

Однажды инспектор одиноко сидел в маленьком просмотровом зальчике кинотеатра «Зорька» и досматривал «что-то». Заходит секретарша: «Вас по телефону вызывает начальник». В телефонной трубке голос Богушевича:

— Вы фильм досмотрели?

— Нет еще...

— Хорошо! Не визируйте! Сейчас приду!

И началось интересное. Начальник попросил механика в замедленном темпе прокрутить конец картины. Из-за спины актера медленно выползает, виднеется на дальней стене комнаты портрет... «Стоп!» Это портрет Троцкого. «Так вот где таилась погибель моя!» Так вот как хитро замаскировалась антисоветчина!

— И что нам теперь будет? Может, мне одному?

— Ничего не будет. Меня об этой гадости известила Москва. Пусть там и разбираются. Фильм мы, конечно, не пропустим. А что это? Заявление об уходе? Не торопитесь. Репертком скоро преобразуется по новой форме. Будет несколько инспекторов. Будет новый устав. Будет, может, новый начальник. Мне это тоже осточертело!

К концу учебного года Подковыров таки освободился от «инспекторства».

— Петро, что ты так похудел? — и Исаак Любан, заботливый председатель Союза, выхлопотал подопечному путевку на курорт.

Стиралит поезд по Кавказу:

То вдруг в туннель вползет не сразу,

То лезет в гору, то в ущелье, —

Готовит для души веселье.

Мильоны метров проглотил...

На берег моря прикатил.

Курорт Макапсе. Санаторные постройки высоко на горе. К морю спускается многопролетная лестница со скамейками на промежуточных площадках. Спускаться легко. А вот подниматься! Старички-старушки подолгу здесь сидят. Петр завистливо посматривает на них. Да-а! Силы надо восстанавливать. Лестница-предательница сразу не преодолевается. На площадке можно посмотреть, как синее море и синее небо слились и целуют друг друга.

Море, суровое Черное море!

Куда ни взгляни:

Кудрявясь и пенясь, бегут на просторе

Лишь волны одни.

Их ветер гоняет, упрямо свивает

Верхушки в кольцо.

Высоко вздымаются сизые волны

И брызжут в лицо.

От пены соленой, от ветра, от зноя

Лишь кожа грубеет.

А сердце нежнее становится втрое,

Оно молодеет.

*Высокое небо, глубокое море, Лазурева даль —
Гоните к чертям мое личное горе, тоску и печаль.*

На обратном пути Петр заехал в Майкоп. Повидал мамочку, родных. От полуболезни не осталось и следа.

Пятый курс проскочил как-то молниеносно. Подковыров кроме симфонии, которая засчитывалась как дипломная работа, написал кантату «Воевода» на пушкинский текст. Кроме того на стихи Пушкина были написаны романсы: «Соловей и роза», «Буря» и «Телега жизни». Первые исполнители: Алексеева, Р. Бирюкович, Таланкин.

В начале учебного года Крошнер и Подковыров покинули общежитие и обзавелись частными комнатами недалеко друг от друга на Ульяновской улице. Любан снабдил Подковырова «прямострункой» — не то первобытным роялем, не то допотопным клавишином. Этот драндулет долгое время лежал на боку в чулане Союза. Подковыров освободил Союз от «чудища» и перевез его в свою «пятиметровую берлогу». Союз обзавелся площадью для библиотеки. Михаил поучал: «Помни, Петя! Чтобы занять жену, семью — нужно сперва занять приличный заработок и квартиру. А частные клетушки — это только ступеньки в рай... или в ад».

Анатолий Богатырев все консерваторские годы был юношей замкнутым, «замороженным», и только на пятом курсе начал «оттаивать», улыбаться. Он был влюблен в свою очаровательную жену Наталию Сергеевну, тоже студентку консерватории. Жили они в пятиметровом «раю-шалашике», уверенно и трезво смотрели в будущее. Богатырев и Крошнер с прозорливостью ясновидцев устроились концертмейстерами в оперный театр.

Толя Попов всегда улыбался и нежно ухаживал за своей «милушкой» Соней. На первых порах он просил Петра «цементировать» их хождением в кино. Однажды троюлька опоздала на сеанс Толя не мог найти в карманах билеты. А они спокойно пролежали в варежке.

Ефимов — самый старший из «фонцов» (вот уж тут кавычки вполне уместны). Ему было «за сорок». Его звали не иначе как Василий Александрович. Он вместе со своей добрейшей Ксенией Гавриловной представляли идеал счастливого супружества, идеал гостеприимства, «идеальный идеал».

Г. Самохин — выходец из контрабасистов — в музыке был интересно похож на Калининкова. На пятом курсе его почему-то не было.

На лице теоретика Зорина была всегда как бы маска. Он был молчалив, неулыбчив, всегда спокоен.

«Юнцы» — за исключением Самохина — благополучно закончили консерваторию и получили дипломы. Богатырев и Подковыров закончили с отличием.

И вот годы «становления композиторской личности» закончены. Богатырев в театре, пишет оперу «В пущах Полесья», Крошнер в театре, пишет балет «Соловей». Попов преподает теоретические дисциплины в консерватории. Ефимов секретарствует

в Союзе композиторов, Зорин — на периферии. А Подковыров отрабатывает свою бывшую повышенную стипендию в Управлении по делам искусств. Он первый в БССР инспектор по музыке в этом управлении. Его работа похожа на реперткомовскую, только, безусловно, намного тяжелее. Это вроде ворочания камней. Ну и что с того, что ты — первооткрыватель? Первый композитор среди чиновников и последний (кто?) — среди композиторов. В душе буря, на лице явное, нескрываемое страдание.

— Подковыров, что с вами? Иль не довольны работой? — вопрошает начальник.

— Да. Эта работа меня тяготит. Я как в цепях.

— Выбросьте это из головы, комсомолец! Берите пример с Корчагина Павла. Человек должен быть там, где это нужно стране Советов. Читали «Как закалялась сталь»?

— Да, читал. Много раз...

— Так вот — идите в филармонию!

Композиторство от вас не убежит!

И валяются на голову бумаги;

И плечи давят трудные дела;

Глаза с тоской читают циркуляры;

И вянут уши в телефонном треске;

Слова ворочать устают язык;

Рука устало чиркает ответы;

Бредут понуро ноги до объекта;

Скорбит земля, и время, и пространство,

И рифмы нет... Покоя нет душе!...

А дела все неотложные. Это — новые и старые музыкальные училища и школы, дома народного творчества, коллективы профессиональные и самодеятельные, концерты филармонические и «ические»... и все это не минует инспектора ни днем, ни вечером! «Ни сна, ни отдыха...» Ох!

На пятом курсе консерватории Подковыров был секретарем комсомольской организации. Приходилось разговаривать с аудиторией. Теперь приходится произносить и назидательные речи. Они с «огоньком», но... сероватые. Если они импровизированы — чуть ниже середины, если подготовлены — чуть выше, и только. Инспектор явно не речкастый, хоть и усиленно очкастый. И патетично не орет, хоть ноты нужные берет. И дни катились понемногу. Богиня муза гневно, строго журила юношу. А он? Ответный стон... Протяжный стон...

Инспектор работал добросовестно, с инициативой. И второго окрика не дождался. Был самолюбив. Был терпелив. И ждал положенного часа вернуться в строй. И вот...

Взошло на горизонте солнце,

Глядит инспектору в оконце.

Был у Подковырова сотоварищ по инспекторству — Юделевич Михаил. Его отдел — театры. Он любил литературу, грешил в поэзии. По роману Н. Островского «Как закалялась сталь» он написал пьесу. Пьесу поставил ТЮЗ — театр юного зрителя. Музыку к спектаклю было предложено написать Подковырову. Полтора десятка сцен, полтора десятка оркестровых прослоек. Оркестрик маленький — но

гремел прилично. В фанфарах малого оркестра зазвучали дерзкие ноты большой надежды. Петр лихорадочно схватил листок и набросал сценарный план будущей оперы. Все нужно сжать. Сцен не пятнадцать, а семь. Действующих лиц не сорок, а двадцать. Текст, наоборот, укрупняется. Должны иметь место арии, монологи, хоры, ансамбли, танцы. Должна быть и проза, и стихи. Должно быть максимально бережное отношение к подлиннику Н. Островского. Теперь уж идею предлагал Подковыров. Юделевич горячо откликнулся, и работа закипела. Друзья понимали друг друга с полуслова, оба были отменно трудолюбивы и у обоих времени было в обрез. К тому часу Юделевич ушел с инспекторской работы, его призвали в ряды Красной Армии. Он отбывал срок службы на Кавказе. И дело по созданию оперного либретто хоть и двигалось, но замедленно. Опять эти тормоза, опять нужно было набраться терпения и ждать. Шел 1939 год. На западе темнели коричневые тучи. Германия угрожала миру фашистской свастикой. Из Минска на Столбцы двигались колонны автомашин. Западные белорусы воссоединились со своими восточными братьями. Красная Армия настороженно стояла на новых рубежах. Постановлением партии и правительства культурные силы города были посланы в новые районы республики для разъяснительной работы по созданию отныне свободной жизни. Была создана такая бригада и из композиторов. Поехали И. Любан, С. Полонский. Д. Лукас, П. Подковыров.

Миля Полонский отсчитывал встречные воинские автомашины.

— Сто двадцать первая! Р-раз!! — Наш автобус неожиданно получил сильнейший боковой удар и свалился в кювет. Все остались живы-здоровы. Только у Подковырова очки были разбиты вдребезги. Это были очки для дали. Петр водрузил на нос очки для чтения. На две командировочные недели он был лишен возможности видеть новую даль. А это были Пинск, Брест, Белосток.

В рассказах западников больше всего поражали советские конституционные права на труд, образование, на бесплатное медицинское лечение и пенсионное обеспечение в старости. Минчане, в свою очередь, были удивлены, видя живых, «всамделишных» помещиков и капиталистов. Ну, скоро они превратятся в «бывших» или удерут за границу. Миля сводил Петра в синагогу. Видели живого кантора в пейсах и слушали его пение в молитвах. Слушали орган в костелах. Музыка в религии — это разновидность идеологического дурмана. Ну, скоро советские песни, концерты профессиональных и самодеятельных мастеров понемногу, но решительно начнут развеивать этот дурман. В своем выступлении Подковыров, рассказывая о работе над новой оперой, неожиданно симпровизировал в пении. Зал дружно смеялся и аплодировал. В конце встречи подошла молодежь и уточнила название оперы. Надо будет почитать роман... Петр тоже уточнил свою импровизацию на бумагу. У Юделевича этого в либретто нет. У Подковырова в написанной первой картине тоже нет. Может, надо вставить?

В жизни получалось так, что добрый десяток лет на композиторские уши давила звуковая перегрузка. И в Свердловске, и в общежитиях, и в учебных помещениях звучит в излишестве музыка, часто рваная, третьесортная, звучит шум и гам. Хорошо, если музыка классическая и льется, как бальзам, в прекрасном исполнении. Хорошо, если собственная музыка звучит... где она звучит?

Собственная утренняя импровизация свободно и непринужденно льется, может, только во сне, или на лоне природы, или в Майкопе. А композитору так нужна тишина! Тишина и рояль! Увы! Нет этого идеального сочетания. У Подковырова есть драндулет, но... за стенкой у хозяев не выключается радио. Правда, случается, что хозяйский сын — рабочий, токарь, придя с работы и услышав высокие звуки скрипки или флейты, выключает радио. Видно, надо едет на работе визг и скрежет. Сын поест и уходит. Отец немедленно жмет на кнопку — и репродуктор опять кашляет и сыплет песок из жестянки. Ну, а хозяйка — женщина тихая и безответная. Она, видно, и в этом вопросе своего мнения не имеет.

Однажды на концерте к Подковырову подошла скромная, опрятная старушка и тихо отрекомендовалась:

— Я — вдова Теравская... Был такой композитор... Слышали?

— Да. Знаю.

— У меня жактовская квартирка: три клетушки-комнатушки. Боюсь, что меня уплотнят. Хотя в квартире наберется, может, метров двадцать пять, не больше. Я вас знаю. Если согласны — будете соквартирантом. Только, пожалуйста, молчок... — Старушка приложила два пальца к губам.

На другой день Подковыров погрузил свой драндулет, топчан, стол и пару стульев. Завернул в газеты и перевязал бечевкой свои опусы и переехал на новое местожительство.

Вдова уступила соквартиранту две клетушки. Хотя это скорее одна длинная комната на три окна. Радио ни в квартире, ни у соседей не оказалось. Чудно! Но! И опять это «но», и опять оно наступает на любимый мозоль. Трамвай проходил в трех метрах от окон новой резиденции композитора. Вот чугунные колеса колотятся о стальные рельсы. Скрежет, визг нарастает, крещендирует до трех форте. У трех окон начинают звенеть стекла, у драндулета «обертонят» басы, пол трясется... Потом это все неохотно «диминуэндит», затихает. Вся эта какофония длится минуты три — ведь три разворота. И так с шести утра и до часу ночи. Много-много противных волн. С ума сойти! Композитор стиснул зубы, напялил на голову подушку этакой наполеоновской треуголкой, прижал концы полотенцем к ушам и ухитряется по воскресеньям что-то сочинять. Это не очень помогает, но резкость звуковых пыток уменьшается. Становится терпимо. Конечно, нервы дребезжат, как струны драндулета. Когда же это кончится? И нет на то ответа. Позади дома заброшенное кладбище. Петр сидит на заросшей надгробной плите. Вот так же на

могилах друзей сидел Павел Корчагин и думал, что жизнь дается только раз, и надо прожить ее так!.. Петр намечает решительный разговор с начальником. И, если понадобится, устыдит его комсомолец. Правильный комсомолец! Заявление об уходе будет вынуто из кармана.

И разговор состоялся. И был он очень миролюбивым. Начальник прочитал заявление, похлопал инспектора по плечу и дружелюбно сказал:

— Не возражаю! Не думайте, что я такой уж бессердечный! Вот только найдите себе замену. Нельзя оставлять участок музыки без присмотра.

— Замена есть...

— Да? Кто?

— Смольский Бронислав Сильвестрович — партиец, музыковед.

— Ну, тогда порядок. Порядок!

И стал Петр Подковыров человеком свободной профессии, прекрасной профессии — композитором. За спиной выросли крылья. Поднялся он ввысь и смотрит на самого себя: «Ничего, Петруша! Жить можно! Трамвай не помеха!»

Мамочка два раза приезжала в Минск погостить к сыну. Первый раз в год окончания консерватории. Спала она на топчане, а сын — под драндулетом. Второй раз она гостила подольше и в более человеческих условиях. В новой квартире имелись кровати. Мама говорит сыну:

— Теперь тебе, сынок, и жениться можно. У Людмилы-то уже двое...

— Я, мамочка, вспоминаю, как бабушка говорила дяде Мите: «Женился бы ты, сынок. Смотри, Петр младше тебя, а у него уже четверо!»

Посмеялись. Мама сказала:

— А что, у тебя, может, есть кто на примете?

— «Иль может быть другую перепелку стриженую в городе завел?» Это я из своей оперы. Есть там такое место.

Посмеялись. Мама опять сказала:

— Писание оперы женитьбе не помеха... Кушай супчик!...

— Бабушка говорила дяде Мите: «Ты лучше кушай супчик, хлебчик. А то ты все политику жуешь. Ведь могут затюрмчить...»

— Цыганка мне гадала: если твой сын не женится да тридцати трех — останется холостяком.

Однажды Петр приходит, а мама беседует с гостьей — Аней Кудиной, студенткой-певичкой. И как они познакомились? Другой раз она пришла, третий... К кому она ходит? Ведь она замужем?!

— Петичка, Аня — хорошая девушка!...

— Мамочка, она замужем...

— Да что ты? Тогда зачем же? Узнать надо!

И Аня Кудина рассказала маме, а та — сыну. Певичка разошлась с мужем. Причина — нет детей. Впрочем, это лучше изложить так:

Супруги любили друг друга.

Но не было беби у них,

Они обвинили друг друга,

И счастье покинуло их.

Квартиру они разодрали,

Забили интимную дверь.

Рыдает она в будуаре,

Рычит он за дверью, как зверь.

Он вскоре сыскал Иоланту,

Сыскалось и беби притом.

Отдав будуар музыканту,

Разводка покинула дом.

А новый жилец будуара —

Владелец небесного дара —

Сидит в кабинете, как мышь,

И любит квартирную тишь.

«Ах, любишь?» — и мстительный зверь

Раструб направляет на дверь,

Прижал репродуктор к стене,

Строго сказал жене:

— Не трогай эту машину,

Мощь ее не сбавляй!

Мы выкурим эту скотину,

Коза его забодай!

Впрочем, здесь лучше перейти на прозу. А то изложение что-то звучит юмористически.

Вдова Теравская часто уезжала в деревню и подолгу там жила. Последнее время ее не было полгода. По совету вездесущего Крошнера Кудина съездила к ней. Старушка прикована к постели. Дни ее сочтены. Она нацарапала записку: «П. П., мне уж не подняться... За вещами придут. Тер.»

Вскоре она умерла. Через бюро обмена Кудина организовала трехсторонний обмен квартир, в результате которого она перевелась в Одесскую консерваторию, а Подковыров переехал в ее комнату. Двадцать метров в добротном кирпичном доме — чего еще? Но!.. Опять это роковое «но».

Подковыров писал оперу, а сосед поджаривал его на звуковой сковородке. Пытки средневековой инквизиции. У пианино демпфер, звучит оно пианиссимо. А радио соседа орет целый день фортиссимо. Пробовал с ним поговорить — нарвался на грубости. «Коза тебя забодай!» А опера не ждет. И Петр пишет.

Уши заткнуты ватой. На голове подушка в форме наполеоновской треуголки. Мало помогает — за стеной фортиссимо. Купил кошму, навесил на стену — мало помогает. За стеной фортиссимо. Купил радиоприемник. И если за стеной музыка — спешно ищет на коротких волнах какую-нибудь болтовню на иностранном языке. Звуковая завеса. Мало помогает. Фортиссимо звучит за стеной соседа. Пиано звучит пианино. А где-то в душе пианиссимо ищутся нужные звуки оперы. Кошмар!

И все же Подковыров оперу написал — произведение о Павле Корчагине, любимом герое советской молодежи. Завернул клавиш в газету, пришел в Союз композиторов, положил оперу на председательский стол.

— Петро, что с тобой?

— Как что? Кончил оперу.

— У тебя руки-ноги трясутся.

— При чем здесь руки-ноги?

— А вот при том. За оперу еще придется бороться, а ты в таком состоянии...

Любан решительно снял телефонную трубку и начал срочный разговор. Подковыров сидел безучастно.

И вот клавишник заперт в шкафу. Комната заперта на ключ. Подковыров едет по санаторной путевке в Крым. Напутствуя, врач говорил: «У вас крайнее нервное истощение. К нему может приплюсоваться помешательство. Не думайте о музыке». То же самое твердит санаторный врач. Подковыров лежит на койке в маленькой комнатке. Соседняя койка пуста. Окно открыто. Слышен убаюкивающий шум прибоя. Пахнет морем, цветами. Пять дней спал в этой комнатке. Обед приносили сюда же. Потом он попросился в общую столовую. Безразличие стало отступать. С интересом осмотрел санаторий. Оказывается, это знаменитый дворец графа Воронцова. Каменный замок в английском стиле. Высокие комнаты первого этажа, парадные залы — музей. В одном из залов — оружие, железные рыцари. В другом — будуар графини. Два яруса шкафов числом 365. В них по три платья на каждый день года. Их, конечно, теперь нет.

За дворцом сад с редкостными южными деревьями и цветами. Пруд с черными и белыми лебедями. Каменный «хаос». Широкая мраморная лестница каскадом спускается к морю. Железный трап с берега перекинут на «скалу Айвазовского». На скале — бетонированная площадка, похожая на боксерский ринг. По краям она обнесена железными перилами. С нее открывается необозримая даль:

Море, прекрасное синее море!

Куда ни взгляни,

Кудрявясь и пенясь, бегут на простор

Лишь волны одни.

Понемногу Подковыров выздоравливает.

На одиннадцатый день покоя и тишины наступила катастрофа. Тревожно зазвучало радио: «Граждане, внимание! Граждане, внимание! Через несколько минут мы передадим правительственное сообщение. Выступит Вячеслав Михайлович Молотов... Граждане, внимание! Граждане, внимание!... Война!»

Рано утром после первого экстренного правительственного сообщения санаторий прекратил свое гражданское функционирование. Мужчинам было предложено срочно выехать на свои военные пункты по месту жительства. Выдали однодневное пищевое довольствие в сухом виде. На дворе стоял автобус. Шофер громко сказал:

— Еду в Симферополь. Там мне и машине «приписка». Обратного не вернусь — так что...

Сборы были недолги. В автобусе было тихо. В Симферополе, не заходя в вокзал, сели в вагоны безбилетно. Все поезда шли в одном направлении. Вернее, ползли... На многочисленных остановках нудно, подолгу стояли. Прошел день, другой, третий...

Из-за леса выскочил самолет, снизился и... обстрелял мирный поезд. По стене вагона у потолка — цепочка пулевых дыр. По ушам ударила противно раздражающая деревянная дробь... Второй, третий раз... Поезд затормозил, потом рванулся, встал, по-

пятился... Вот самолет опять налетает, опять мерзкая дьявольская трель, поезд дергается. Люди выскочили, укрылись в кювете, в кустах, под вагонами. Стервятник разворачивается опять... Опять... Улетел. Паровоз тоненько засвистел. Созывает. Люди сели в вагоны. Четверых внесли. На весь вагон женщина кричала:

— Летают! Пуляют! А где наши? Писали «Ни пяди!»! А они по этой «пяди» смерть сеют! А-а-а!

— Не ори, баба! — останавливает ее старик. — Вот подойду и без предупреждения дам по шее — упадешь...

— А я тебе так отвечу: распилишься, старый пень!..

— Поняла! Словами-то я тебя упредил. Война — это и есть большая драка. Вероломно ударили. Ну, а наши обязательно поднимутся и дадут законный ответ. Железно!

— Умный дурак! А я что говорю? Третий день летают стаями... А наши хоть бы один! Вот и ору, чтоб кто услышал. До начальства-то уж больно далеко!

— Согласен. Ори, глас народа! И без твоего ору реветь в пору! Слышат там!

У репродукторов поезд останавливался. Радио приносило тревожные вести. Народ слушал и не безмолвствовал.

У границ Белоруссии на Днестре мост взорван. Дальше пути нет. В вагоны надела масса народу.

Подковыров случайно увидел белорусского композитора Е. К. Тикоцкого.

— Евгений Карлович, дорогой! Ты ли это, и куда?

— Я, я. Еду, конечно, в Минск. У меня там семья. А ты?

— А у меня там опусы и перспективы...

Не пытайтесь, не пытайтесь... — это со всех сторон звучат реплики. — Минск разбомбили. Он весь горит. Народ бежит. Ничего не осталось — вот только что на себе. Соберут где-нибудь восточнее, дадут в руки винтовки — тогда пойдет разговор другой...

— М-да! — тихо сказал Тикоцкий. — Я еще попытаюсь. А ты?

— Я тоже!...

Надвигалась ночь. Друзья толкуются у товарного состава. Осторожно разузнали у смазчика, куда движется поезд.

— В Оршу вроде...

Забрались на пустую площадку. Дремлют.

— Петро, у тебя что-нибудь жевательное есть?

— Нет! В портфеле пустая нотная тетрадь да полотенце...

— У меня плащ. А под ним — ни гитары, ни кинжала...

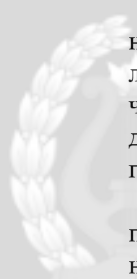
Вдруг в глаза острый свет.

— Что за люди? Документы!

Долго проверяли, нудно расспрашивали.

— Ну, вот что... На следующей остановке явитесь в комендатуру. Сами. Если мы поведем — хуже будет!

— Хуже не будет, — решили друзья и в недозволенном виде, тайно на рассвете доползли до Орши.

Высоко в небе над вокзалом кружатся стервятники. По ним хлопают зенитки. В вокзале пусто. По лестнице поднялись на второй этаж. Маленький залчик — не то буфет, не то столовая. В углу потолка дыра, виднеется небо. Рядами стоят столы. Тарелки с горками хлеба. Людей — ни души.

— Э-э! Была не была... Возьмем грех на душу и по максимуму. — Друзья натолкали животы и карманы хлебом. Спустились. В вокзал вносят раненых.

— А вы что за люди? Нельзя! Поезда для гражданских восточнее. Идите по путям...

Послушно пошли (все ясно: на запад пути нет, в Минск не попасть, там уже немцы).

Нашли поезд, как будто бы идет в Москву. Вариант приемлемый. Всю ночь ехали на восток. На рассвете оказались в Белой Церкви. А Смоленск? Вязьма? В Москву ни один поезд, ни одна машина не проскочат. Досадно, но разумно. Досадно для единиц, разумно для народа. Весь день ехали до Брянска. В пути присоединился Коля Крук — музыкант симфонического оркестра. Утром в Орле всех мужчин попросили выйти из вагонов и построиться в шеренгу. Вдоль нее пошел военный, проверяя документы. «Праведных»

строили по четверкам, «неправедным» — два шага назад. Старик, Подковыров и два подростка попали в «неправедники». Военный объяснил:

— Тебе, папаша, шестьдесят. Опоздал. Ребятам — по шестнадцать, беспаспортники. Ты, очкарик, по паспорту — невоеннообязанный...

— Но ведь в отобранных вами есть и люди в очках?

— У них паспорта без «не». Понимать надо. Если уж так хочешь — иди в комендатуру. Может, ты шпион, трешься около военных дел. Мне с тобой возиться времени нет. Я свое дело делаю быстро и аккуратно. Тебе советую — оседай где-нибудь в Закаспии, переосвидетельствуйся.

Тикоцкий и Крук ушли с «праведниками». Подковыров понуро стоит у вагона и смотрит им вслед.

Опять один. Много лет добирался до вершины Олимпа. Добрался. Злая коричневая сила сдула, как букашку.

Ну нет! Я не букашка! Силы найду! И мой ответ будет дан! Что делать? Надо хорошо подумать...

Подготовили к публикации Е. Лисова, Н. Стасюк